

Математик Сергей Рукшин: «Опыт дистанционного образования провалился»

Вынужденный переход на онлайн-образование в школах/вузах мало кого привел в восторг. Разгромная критика сменилась рассуждениями на тему «как нам обустроить дистант» и что взять от него в светлое постковидное будущее. На эти вопросы наш сегодняшний эксперт отвечает афоризмом: «Когда вагоновожатый ищет новые пути, трамвай сходит с рельсов». Наш собеседник - Сергей РУКШИН, народный учитель России, руководитель знаменитого Матцентра (его выпускники - филдсовские лауреаты Григорий Перельман и Станислав Смирнов), профессор Государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. А также член Общественного совета при Министерстве просвещения. В разговоре о том, как сфера образования будет адаптироваться к постпандемической реальности, математик Рукшин пошел «от противного». Рассказал о том, какой адаптации надо опасаться.

ФОТО Дмитрия СОКОЛОВА

- Сергей Евгеньевич, вам на днях студенты-педагоги зачеты на удаленке сдавали. Успешно?

- Некоторые не заслужили зачета даже по меркам коронавирусного времени. Но кому-то повезло: интернет-связь прерывалась, в таких случаях ставить «незачет» было бы аморально. Правда, и школьники, и студенты наловчились симулировать неполадки в скайпе. Но у меня дома Интернет от двух провайдеров, так что я по крайней мере могу отследить, когда врут, что проблемы с сетью у меня.

- Все говорят, чем плохо дистанционное обучение. А что в нем проявилось хорошего и что нужно взять на заметку?

- Первое, что хорошо, - то, что отдельные учителя и мотивированные родители и школьники/студенты проявили героизм и пережили этот период достойно. Второе хорошо - то, что мы узнали, насколько все плохо.

Знаете, врать другим можно, но себе врать, да еще верить в это вранье, нельзя. Опыт дистанционного образования провалился. Оно проявило себя в лучшем случае как эвакуогоспиталь, в котором не лечат, а спасают, чтобы не помер сразу. После чего надо уже отправлять в специализированные клиники и выхаживать.

Вот говорят, что генералы всегда готовятся к прошлой войне. Многомиллиардные затраты на онлайн-методики, онлайн-уроки, на создание, как модно говорить, «контента» - все это оказалось пустой болтовней и освоением бюджетов. И не потому, что бесполезно, если нет компьютера и надежного Интернета. А потому, что не создает мотивации. Школьник заходит в Сеть - и невозможно контролировать, слушает он урок или в игрушки играет.

Дистанционное образование - это не самостоятельная форма, а дополнительная. Это не «вместо», а «вместе». Безусловно, надо какие-то темы перевести в онлайн. Например, ребенок гораздо лучше запомнит, где на карте России находится такой-то субъект Федерации, если будет не 45 минут про это слушать, а 10 минут поиграет в онлайн-игру, где субъекты как пазл складываются. Но мне не нужна была пандемия, чтобы эти возможности онлайн-обучения обнаружить.

- Подразумевалось, что онлайнное - это возможность, живя в поселке, слушать уроки лучших учителей России и лекции профессуры ведущих вузов...

- Я вам привел в пример школьников, у которых будто бы срывается скайп.

На онлайн-обучение способны только высокомотивированные люди. Их никогда не бывает много. Более того: образование, о чем говорили и Макаренко, и Сухомлинский, на начальном этапе всегда имеет элемент принуждения. Потому что интереснее играть во дворе, чем сидеть в классе.

Когда студент дома смотрит лекцию, исчезает состязательность, у него нет понимания того, что одноклассник Вася учится лучше и надо бы поднапрячься и догнать.

Вот говорят: это не последний вирус, надо быть готовыми к повторениям пандемии. К каким повторениям? Венецианская чума не повторялась, а грипп у нас каждый сезон новый. История показывает, что после страшных эпидемий человечество стремилось знаете к чему? К тому, чтобы вернуться к прежнему образу жизни. Закон Ньютона: в отсутствие действия других сил тело сохраняет состояние прямолинейного равномерного движения. Чтобы это движение изменить, нужна внешняя сила вроде высыхания степей, которое вызвало миграцию тюркских народов и привело к татаро-монгольскому нашествию...

- Угроза болезней - тоже вполне себе внешняя сила.

- А вот тут надо разобраться. Лично у меня опасения, что временные меры очень удобно пролонгировать. Много говорят о том, что «мир не будет прежним», изменятся социальные привычки, ускорится развитие электронной сети услуг... Я вижу во всем этом одно: прекрасную возможность для манипуляции.

- Вас послушать, так сидят заговорщики и строят коварные планы, как пандемию использовать.

- В том, чтобы человечество пошло по пути коллективного электронного сознания, - безусловно, есть интересные. У одних интересы корыстные, у других просто по недомыслию.

Заказчиками интенсивного перехода в онлайн могут быть и политики, и бизнес-сообщества. Электронная жизнь, несмотря на возможность связать всех со всеми, на самом деле разобщает. Без личного общения не было бы студенческих бунтов в Париже в 1968 году. А представьте, что все сидят по домам и всем обеспечена довольно уютная жизнь - с доставкой еды, с просмотром фильмов...

Это убивает социализацию. А мы как биологический вид выжили не только потому, что передавали друг другу знания, опыт, навыки, но и потому, что передавали эмоции и все то, что в русском языке начинается с приставкой «со»: сочувствие, сострадание, сопереживание, сознание, соболезнование. Это когда кошки скребут на душе и ком в горле стоит, хотя и не тебе плохо.

В «дистанционном» я вижу разобщение, а значит - угрозу биологическому виду. И если речь об образовании, то особенно. Потому что дистант умножает воспитание на ноль. Воспитание не передается ни дистанционно, ни уколами в *musculus gluteus*, то есть в задницу. Оно передается только от человека к человеку. Ученый воспитывается ученым вроде математика Франсуа Виета, который мог три дня не есть не в силах оторваться от задачи. Хирург воспитывается хирургом на операциях, когда студент чувствует запах крови.

Я считаю, что, говоря об адаптации к новым условиям, нужно обязательно просчитывать плохие сценарии.

- Например?

- Например, что дистант - это, по сути, конец студенчества и научного сообщества. На территорию средневековой Сорбонны не имела права входить парижская полиция - так ковались университетские свободы.

Я опасаясь, что в региональных вузах не первого ряда перейдут на онлайн-лекции, начитанные учеными столичных вузов, и это приведет к деградации, а потом к распаду региональных вузов. У местного профессора десятилетиями накопленные знания о том, что нужно именно для местных заводов и шахт. Из столичного вуза будут вещать, возможно, более изощренную математику, но какое отношение она имеет к конкретным местным реалиям?

Я опасаясь, что человечество постепенно подведет к тому, что будет дешевое онлайн-образование низкого качества для всех и дорогое, личностное, очное для элиты.

На нынешней стадии онлайн-образование - это возможность счастливо заблуждаться относительно своих способностей. Как мне сказал один дирижер: профессионал отличается тем, что он знает, чего не может и за что не возьмется. Вот принято ругать Андрея Фурсенко, некогда министра образования, за фразу

«задача школы - воспитывать квалифицированного потребителя». У нас любят усекать цитаты. Он говорил о том, что надо возвращать человека, который будет использовать, условно говоря, компьютер не для того чтобы в игрушки играть, а как рабочий инструмент.

- Вас не примиряет с действительностью то, что во всех странах вынужденный переход на дистанционку прошел не блестяще?

- Мне все равно, что там в других странах. Америка потом купит нужных ей готовых специалистов - китайца, индуса, русского. А Россия должна руководствоваться идеологией чучхе. Это я не Северную Корею восхваляю, а сам принцип: во всех ситуациях мы должны быть готовы полагаться только на свои силы.

Если наши спецы уезжают на Запад - я не требую запретить мобильность. Я настаиваю, что мы в таком случае должны готовить больше, чтобы самим оставалось. Мы ведь продумываем наши стратегические резервы. Так вот образование - это стратегический резерв, и его нужно постоянно восполнять.

Образование - это не услуга, это системообразующий институт Российского государства. Оно не только дает навыки и знания, но и делает получающих образование гражданами.

Еще один «плохой сценарий»: выход из кризиса всегда таит в себе опасность диктата или как минимум советов непрофессионалов. Герман Греф - эксперт в банковской сфере, но не специалист в области образования, однако, как известно, позволял себе заявлять, что физматшколы нужно закрыть. Бывший зампред правительства страны Ольга Голодец, экономист, говорила, что проблемы в нашем образовании - из-за прямоугольной формы классов.

- В советах непрофессионалов никогда нехватки не было, так что тут ничего нового.

- Новое в том, что, повторю, когда мы разобщены, когда мы сидим по норкам, мы не даем отпор. Это может только общество, социальные группы.

Тот, кто снабжает нас электронными сервисами, получает и возможность решать, что нам предлагать, а что нет. На самоизоляции вы не бродили по рынку между рядов, а заказывали те продукты, которые вам предлагала служба доставки. Я могу себе представить, как ректор вуза, человек на контракте у Минобрнауки, станет внедрять в своем вузе те онлайн-программы, которые ему будут, так сказать, рекомендованы.

Меня встревожила опубликованная в «Санкт-Петербургских ведомостях» статья уважаемого мною директора Эрмитажа Михаила Борисовича Пиотровского, в которой есть такие слова: «Музей существует не для посетителя, а сам для себя, чтобы культурное наследие хранилось. Лишь одна из его функций - что-то показывать людям, самостоятельно решая, что они должны увидеть».

Как директор крупнейшего музея, Михаил Борисович действительно отвечает в первую очередь за его выживание. И эксперту Михаилу Пиотровскому общество

может доверить выбор того, что нам показывать, а что хранить в запасниках. Но глобально доверять производителям услуг право решать, что мне предоставлять, а что — нет, я бы не рискнул. Пример того, какой обычно выбор за нас делается, уже есть. Телевидение. Это ширпотреб, за который вы платите деньги как налогоплательщик и тратите время жизни, просматривая телерекламу.

- В июне в Петербурге должна была проходить Международная математическая олимпиада, важнейшее событие - вот как ее адаптировать к новым обстоятельствам?

- Официально «Межнар» перенесен на сентябрь. Мне бы очень хотелось, чтобы все состоялось: Ленинград — Петербург еще никогда не принимал международную олимпиаду.

Но есть очень большие сложности. Министерство мудро (и, честно говоря, безысходно) поступило, признав всех 11-классников, вышедших в финал Всероссийской олимпиады, победителями. И дав им возможность поступать в вузы вне конкурса: они правда заслужили, они безусловно доказали свою мотивацию.

Но, отменив финалы и в 9 - 10-х классах, министерство попутно лишило нас возможности грамотно формировать сборную страны на международную олимпиаду следующего года. Кандидатов ведь всегда выбирают именно из победителей «Всероса», и уже из них выбирают сильнейших после летних сборов, осенних, декабрьских, после разных международных соревнований. С ними работают в течение года! Сейчас совершенно непонятно, с кем работать. Если про потенциал десятиклассников хоть что-то известно по прежним успехам, то о девятиклассниках, как правило, мы не знаем ничего.

Но это «проблема-2021». А «проблема-2020» в том, что неясно, приедут ли к нам участники из других стран. Вот вы, допустим, живете в Германии и должны отпустить своего одаренного ребенка на олимпиаду в Петербург. И узнаете, что проходить она должна в «Ленэкспо». А сейчас что там? Ковидный госпиталь. Мы его что, весь хлоркой зальем?

Конечно, работа по подготовке ведется, но на нашем, довольно низовом, уровне. А о готовности принять детей должно быть заявлено на высшем уровне. Но министерству пока не до того, оно озабочено ЕГЭ.

- Вы входите в Общественный совет при Минпросвещения. Вот соберется совет когда-нибудь, будете обсуждать образование - чем нужно заняться в первую очередь?

- Качеством очного образования. Нормального, недистанционного.

То же касается образования вузовского: укреплять очное. Особенно в регионах. В гениальном фильме «Председатель» лучший кузнец колхоза собирался уехать в город поступать в институт. Председатель в исполнении Михаила Ульянова спрашивает его: «В какой институт?». Тот мнетя: «Порнографический». Ему подсказывают: «Полиграфический». И председатель говорит: «Не отпущу. Потому

что тем самым ты говоришь, что любая заваливающая судьба в городе выше и лучше, чем то, что ты получаешь здесь».

Ну не едут выпускники московского или петербургского института буровыми мастерами на месторождения! Не едут выпускники столичных педвузов учить в глухую сибирскую деревню! Все программы вроде «Учитель для России», «Земский учитель» не спасают.

У нас из 150 педагогических вузов разрушено больше 100. В Сибири была сильная Новокузнецкая педагогическая академия, ее сделали филиалом Новокузнецкого университета, а затем в этом филиале организовали какие-то другие факультеты... А потом оказалось, что в Кемеровской области не хватает учителей. И решено воссоздать, но уже на базе Кемеровского госуниверситета, вуз для подготовки учителей. «Разрушим до основания - а затем...»

А вообще, в обычной жизни наша «адаптация» - это сохранение нормальных социальных навыков. Да, в эпоху вируса обнимашки и рукопожатия ушли. Но недавно ко мне приходил бизнесмен и с порога протянул руку, и я ее пожал. Это было знаком того, что наше общение для нас важнее, чем опасения.

Недопустимо, чтобы изоляция осталась с нами и после того, как пик эпидемии пройдет. Даже если этот вирус останется, мы должны соблюдать социальные нормы и привычки человека. А не загнанного в нору зверька.

Материал опубликован в газете «Санкт-Петербургские ведомости» № 101 (6699) от 15.06.2020 под заголовком «Дистанцироваться от дистанта».